

МАГИЯ **ФЭНТЕЗИ**

Игорь АДАМОВИЧ
ВОЖДЬ ДИКИХ
ЗЕМЕЛЬ

Роман

Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
А28

Серия основана в 2004 году
Выпуск 412

Художник
М. Поповский

Адамович И. Ю.

А28 Вождь Диких земель: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 314 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1185-6

Этот мир прекрасен и ужасен, как и все обитаемые миры, в величественных серебряных лесах живут эльфы, в глубоких пещерах добывают руду и драгоценности гномы, исправно обучает студентов светлая магическая академия. Есть и темная сторона реальности: в горах можно встретить голодного тролля, стаю злобных гоблинов-людоедов, а в самом сердце человеческих королевств легко нарваться на шайку бандитов или охотящегося вампира. Давно отгремела война Света и Тьмы, но абсолютных победителей нет, как это бывает почти во всех войнах. Противники зализывают раны, копят силы и готовятся к новым сражениям. И в этот мир попадает современный российский студент, случайно запустивший древний механизм телепорта. Ему надо не только выжить в незнакомой обстановке, но и решить, какая он фигура на великой игровой доске: пешка, ферзь, а может быть, король? Да и с цветом фигуры не мешало бы определиться, какой он — белый, черный или иной? Это тем сложнее, что Сергей не просто попадает в мир фэнтези, но и сам изменяется, теперь он больше не студент университета Сергей Ильин, а орк Диких земель Торн.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1185-6

©Адамович И. Ю., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ПРОЛОГ

Тяжелый скрип повозок возвестил о приближении каравана. Впереди ехал дозор из трех всадников, облаченных в мешковатые шаровары, тонкие кольчуги и остроконечные шлемы. Дальше виднелись раззолоченные доспехи начальника охраны и белоснежный тюрбан толстого купца. На телегах громоздились клетки с рабами. Разведчики не ошиблись — это работорговцы из Салимата, самого крупного султаната востока. Мое воинство затаилось по обеим сторонам лесной дороги. Зря я волнуюсь, полсотни рейдеров на тридцать охранников каравана — это даже многовато. Рядом шумно шмыгнул носом Хорт, я приложил палец к губам и показал орку кулак, тот виновато зажал морду лапой.

Караван втянулся в западню, пора подкладывать купцу свинью в самом прямом смысле слова. Поглаживая Хику по холке, тихо шепчу: «Вперед». На мой взгляд, дикие кабаны интеллектуально несколько не уступают собакам. Ручной кабанчик отлично понимает, что от него требуется. Хика, похрюкивая, выбирается на дорогу, разворачивается и неторопливо возвращается ко мне. Услышав треск веток под его копытцами, головной дозорный вскидывает сжатую в кулак руку, подавая сигнал тревоги. Но, увидев, что это всего лишь дикий кабан, он что-то весело кричит караванщикам. Охрана переговаривается, слышны смешки, тревога сменяется полным расслаблением. Ну еще бы, какие враги могут быть поблизости, если тут гуляют дикие свиньи, они твари чуткие. Молодец Хика, вот тебе морковка. Когда расслабление достигает апогея, я кричу: «Бей!» — и несусь к каравану. По этой команде град отравленных

гоблинским ядом стрел хлещет по стражникам, с веток деревьев прямо на головы людям прыгают коренастые мускулистые фигуры.

Две волны дико орущих орков стальными челюстями смыкаются на караване. Противник застигнут врасплох, потерь у нас практически нет. Но вот впереди раздается злобный гортанный вой — кто-то из моих орлов нарвался. Купец и начальник охраны сумели собрать вокруг себя живую стену из дюжины стражников. Образовав кольцо из щитов, ошестинившись копьями, они успешно отбиваются. Рядом крутятся мои архаровцы, но достать врага пока не могут. Зажимая окровавленное плечо, один из налетчиков откатывается назад, похоже, это он вопил. Терять бойцов, добивая обреченного противника, недопустимо.

— Гиг! — кричу я.

Из кустов выбирается здоровенный тролль. Основной недостаток троллей — медлительность, он только сейчас дотопал до поля боя. В руках гигант сжимает обломок скалы размером с хорошего барана.

— Гиг, кинь камень туда. — Мой меч указывает в центр вражеского строя. Отдавать троллям приказ надо четко, немногословно и крайне осторожно, с соображалкой у них проблемы. Неправильно понятый гигантом приказ оборачивается чаще всего тяжелыми телесными повреждениями среди своих. Обломок скалы врезается в неприятельский строй, вдребезги разнося щиты. Три мешка отбитого мяса с переломанными костями, еще секунду назад бывшие стражниками, катятся по земле, теряя искореженные доспехи. На лицах остальных людей дикий ужас.

— Снаряд, — команду я.

Четыре крепких орка, сопя и пыхтя, тащат к живой катапульте следующую каменюку. Это оказывается последней каплей, стража разбегается. Я наскокиваю на начальника охраны, пытающегося собрать своих людей. Обманное движение — и мой кривой меч втыкается прямо в вопящий рот капитана, рядом ятаган Хорта сносит голову в белоснежном тюрбане. Ни один работороговец не ушел. Орки ловят оставшихся без всадников лошадей, сноровисто обшаривают трупы, сдирают одежду и доспехи. Оцениваю добычу —

на повозках, за решетками, около полусотни людей, два десятка гоблинов и отдельно, в особо прочной клетке, парочка гномов. Ожившие было пленники, опознав расу налетчиков, мрачнеют еще больше.

Оглядываюсь — кажется, на сегодня все. Вытираю меч оторванным от ближайшего трупа куском рубахи и вкладываю в ножны.

— На базу! — Взмахиваю рукой в латной перчатке, места кучеров занимают мои ребята, обоз трогается. Шагая среди телег, я размышляю о том, сколько осталось в вожде оркского клана от студента биофака Сергея Ильина.

ГЛАВА 1

Толкиенистские игры

— А что, разве вас уже выпустили из сумасшедшего дома?

*Из кинофильма «Иван Васильевич
меняет профессию»*

Когда я подошел к месту тусовки толкиенистов, уже темнело. Мой непутевый брат Виктор опять полночи будет бегать по развалинам старой церкви и окрестностям вместе с кучкой себе подобных. В принципе представители клубов ролевых игр, как правило, люди мирные, и если бы не приближающиеся экзамены на биолого-химическом факультете нашего университета, на первом курсе которого обучался братишка, я бы оставил его играть. Но, как говорится, делу время — потехе час, надо готовиться к экзаменам.

Чтобы установить его местонахождение, пришлось проявить характер. Моему походу предшествовал интересный разговор с Виолой, нашей сестрой, больше всего напоминающий беседу злого Мюллера со Штирлицем в подвалах гестапо.

— Где этот обормот?! — выпытывал я. — У него экзамен на носу, а вместо зубрежки опять гули-гули?

— Не знаю, не видела, — уставив на меня честные голубые блюдечки глаз, с невинным видом убедительно врал сестренка.

Пускать дело на самотек было нельзя, самотеком братец может стечь только в кабак или на тусовку.

— Если он свалил и недоучил биологию, я ему лицо об-

глодаю, нет, хуже, мопед отберу, а будешь его покрывать, тебе денег на дискотеку не дам! — продолжил я прессинг. — И не строй удивленные глазки, я точно знаю, что ты знаешь, где он! Виола, если ты сейчас покачаешь головой, этот же жест увидишь в ответ на просьбу о деньгах. Итак?

— Ну-у... — тянет сестренка, выгадывая время, и тут же находится: — А мама говорила, что ябедничать нехорошо.

— Угу, а еще она говорила, чтобы ты не особенно увлекалась танцуйками и чтобы я за тобой присмотрел. Кстати, когда я последний раз видел Витьку, он был с твоей пудреницей в руках. У него с головой не в порядке или он ориентацию сменил?

— Опять мое счастливое зеркальце взял! — рассердилась Виола. — Пусть только вернется, я ему!

— А-а, это талисман у вас такой, у меня даже на душе полегчало, но ты мне зубы не заговаривай.

— Но ведь предавать и правда нехорошо, — с видом угнетенной добродетели выдала сестренка.

— Зато экономически выгодно, и это пойдет ему только на пользу. Колись, тогда на косметику немного накинута.

— Он с ребятами к разрушенной церкви ушел. И это не за деньги, — попыталась обелить свою совесть доносчица, — это месть за спертое зеркальце.

— Раз не ради денег, то денег и не получишь, — довольным тоном домашнего тирана сообщил я, — месть я не оплачиваю.

— Ты злодей и деспот, но я забочусь не о кошеле, а о брате, — гордо сообщила негодница. — Они могут и на ночь зависнуть, тогда ты его и правда побьешь, возможно, даже ногами по голове.

— Тогда ладно, деньги в секретере. Возьмешь, сколько надо, но не борзей, а я пошел за Витькой.

Развалины церкви стояли на берегу речки, и нормальной дороги к ним не было. Продираясь сквозь ивняк, порадовался своей предусмотрительности в экипировке. Я оделся как на полевую практику своего родного биофака. Камуфляжные брюки, куртка, армейские ботинки как нельзя лучше подходили к обстановке. Как говаривал наш профессор, оглядывая после экскурсии перемазанные в грязи гламур-

ные туфельки и наряды студенток: «Не бывает плохой тропы, бывает плохая экипировка».

В виде пряника отрываемому от любимого занятия брату был прихвачен шашлычный набор. В него входило замаринованное мясо, пиво и с десяток картох для запекания в костре. Все-таки пикник — это пара часиков у костра, что предпочтительнее, чем ночь на ушах.

Витька нашелся рядом с руинами, там, где не так давно археологи-реставраторы наткнулись на круглую площадку из каменных плит. Я помнил передачи на нашем местном телевидении, где высказывались фантастические предположения о времени ее возведения. Старенький профессор, похожий на доктора Айболита, тогда заявил о пяти тысячелетнем как минимум возрасте площадки. Но, кроме каменного круга, ничего не нашли, потом закончилось финансирование исследований, профессор умер, и раскопки заглохли. А площадка осталась и теперь использовалась местными толкиенистами, среди которых был и мой братишка, для игрищ.

Витька встретил меня унылой рожицей и кучей жалоб. Во-первых, он сегодня был назначен темным властелином, а в результате они с треском проигрывали светлым, что подрывало Витькин престиж. Во-вторых, приход брата — это окончание сегодняшней эпопеи. В-третьих, в моем лице перед ним стояла подготовка к экзаменам. Внезапно глаза братишки заблестели.

— Слушай, Серега, сыграй за нас, а я до экзамена сюда ни ногой. Ну пожа-а-а-алуйста, — жалобным тоном профессионального нищего протянул «темный властелин».

— Ты совсем обалдел со своими великовозрастными обитателями песочниц или просто температуришь? — Я пощупал лоб брата.

— Ну ты же ходишь в этот свой китайский клуб, с двуручными мечами там тренируешься, ты их всех на раз положишь...

Я действительно много свободного времени отдавал искусству битвы на мечах в местном клубе кэндо, но благородный поединок — это одно, а дубиномахательство Вить-

ки и его братьев по разуму — совсем другое. Я решительно покачал головой. Мелкий сразу увеличил сумму выкупа:

— Серег, до конца сессии никаких тусовок, и при первом неуде и до его исправления — ни-ни. Обещаю и торжественно клянусь. — Брат заискивающе заглядывал в глаза.

Уже два года я ломал голову, как повлиять на брата с его увлечением, и такие условия просто не мог не принять.

— Идет, — кивнул я, и Виктор усвистел утрясать формальности со своими коллегами. Очевидно, не все пошло гладко, разобиженные вопли возмущенного «темного властелина» слышны были, наверно, даже на другом берегу реки, вернулся он чуть не плача.

— Все роли распределены, менять нельзя, ни назгулом, ни магом, ни темным рыцарем тебе не стать. — Брат возмущенно сопел.

— И кто остался?

— Орки. — Витька виновато потупился.

— Тогда дополнительное условие, — я со сноровкой отпетого шантажиста припирал брата к стенке, — успеваемость без троек.

— Это беспредел, — взвыл Витька.

— Беспредел — это красный диплом, — гадко ухмыльнулся я.

Витька, не думавший о такой перспективе, испугался и поскорее принял мои условия.

— Теперь об орках. — Я даже не скрывал своего удовлетворения. — В чем подвох?

— Только меч, никакой магии, первый пропущенный удар — и ты выбываешь.

— Надо было требовать красный диплом, — задумчиво протянул я.

— Мы же договорились, — испуганно пискнул Витька.

— Ладно, договорились, но помни об этом, а то мопед отберу. — Я погрозил пальцем, братишка торопливо закивал.

Мне вручили меч — деревянное, плохо обструганное дышло, мой собственный тренировочный шлем, на время игры одолженный брату, и зеленый бархатный плащ, в котором я узнал старую штормку из нашей гостиной. Витька сунул мне в карман зеркальце от пудреницы сестры, бормо-

ча, что оно счастливое, я выдал шалопаю подзатыльник и направился к поляне поединков.

Прошло полчаса. Витька был прав, боевая подготовка толкиенистов была отвратительной, и я действительно «сделал» их всех.

Правда, в конце «битвы» меня подвел топорно сделанный меч (в самом прямом смысле слова, судя по «утонченности» отделки, его делали топором). Заноза из рукояти глубоко въехала мне в ладонь, отчего я чуть не пропустил удар, но все-таки справился.

Сияющий Витька подлетел ко мне и в порыве чувств пообещал постараться получить красный диплом. Я был доволен, моя попытка снять с себя шторковый плащ была пресечена братом, который заявил, что впереди чествования.

Меня потянули в центр древней каменной площадки, остальные члены нашей партии разместились на каменных плитах вокруг и стали скандировать какие-то речовки с использованием своих специфических терминов, половину из которых я не понимал.

С моей оцарапанной ладони сорвалась капля крови и упала на центральную плиту, на которой я стоял.

— Орк! Орк! Орк! — скандировала «моя» команда.

Как только кровь коснулась камня, он начал светиться призрачным фосфорическим огнем. Послышались испуганные крики толкиенистов. Я почувствовал, как какая-то сила буквально разрывает меня изнутри, перед глазами мелькнула вспышка, и все погрузилось во мрак.

ГЛАВА 2

Орк

Увидев ужасное чудовище, не спеши бояться или осуждать его, возможно, ты смотришь в зеркало.

Студенческая мудрость, родившаяся в одно похмельное утро

Я с трудом приподнял гудящую голову и огляделся, мир вокруг плясал, к горлу подступала тошнота. Подо мной была каменная плита, лежащая в центре развалин, напоминающих обломки греческого Парфенона.

Все вокруг было забрызгано кровью, источником которой послужили семь тел, искромсанных колюще-режущим оружием. Трое убитых походили на европейцев, разве что нечесанные замасленные патлы и похожие на свалевшийся войлок грязные бороды не вписывались в картину просвещенной Европы. Оставшиеся четверо напоминали экспонаты Петербургской кунсткамеры, если бы те вдруг оказались жизнеспособны и дожили до взрослого состояния: желтовато-серая с легким зеленоватым оттенком, невероятно грязная кожа, вся в каких-то шрамах, волдырях и струпьях, желтые кривоватые разнокалиберные зубы, толстые до непрозрачности ногти, скорее затупленные когти. Добавьте ко всему бочкообразную грудь, узловатые конечности, расплзающееся тряпье, которое не надел бы ни один бомж, и тошнотворную вонь этих самых бомжей, которая забивала даже запах крови и вывалившихся внутренностей. Желтые остановившиеся глаза тварей наводили на мысль или о повальной эпидемии желтухи, или о другом биологическом виде, отличном от человека, ну или как минимум незнакомом мне этносе. А ведь я биолог по образованию и о такой народности не встречал упоминания ни в одном справочнике. Да от одного их вида любого антрополога кондратий хватит. Что же тогда?

Если предположить невероятное, что эти чокнутые толкиенисты нашаманили, ухитрившись отправить меня в свой фэнтезийный мир, то уродцы как нельзя лучше походили на гоблинов. Ничего себе, сходил на пикничок! Ну, Витька, если это какой-то дурацкий розыгрыш, быть тебе с красным дипломом и без мопеда.

Нет, что-то тут не так. Все вокруг, с одной стороны, вроде бы обычное, те же елки да березы, окружающие развалины, но в то же время... как бы это сказать, какое-то другое. Из знакомых предметов — только мой рюкзак с шашлычным набором для Витьки. Помню, перед всей этой вакханалией с чествованиями я положил его на центральную плиту, уже готовясь порадовать наигравшуюся ребятню.

А почему я так гадко себя чувствую, как будто влез в одежду на три размера меньше? И почему кисти моих рук выглядят как-то странно? Тут я припомнил скандирование

команды накануне вспышки: «Орк! Орк! Орк!» — и, похолодев, начал оглядывать себя. На первый взгляд, все было нормально: бархатная шторка-плащ, защитные камуфляжные брюки, измазанные в грязи и чужой крови, треснувшая камуфляжная куртка... Треснувшая?!

Я оглядел расширившуюся грудную клетку, разорванные бугрящимися мышцами рукава и на подгибающихся конечностях доковылял до ближайшей лужи.

Самые страшные опасения не оправдались, на четверку лежащих уродцев я не походил, но... изменения были. Кожа потемнела, хотя и осталась в границах человеческих цветов, мышцы явно увеличились, особенно челюстные. Кажется, я прибавил в росте и раздался вширь. В луже отражался, как говорят наши писатели-сатирики, шкаф, и не просто шкаф, а шкаф с антресолями, чуть сутуловатый, крепкий и несколько неуклюжий.

Вспомнив о карманном зеркальце, которое так и не вернул сегодня сестренке, нащупал его в кармане и взглянул на свое лицо. Все было вполне узнаваемо, хотя и утяжеле-но, кости явно стали толще, глаза яркого желто-зеленого цвета, но белки белые, не то что у этих уродцев. Кожа не только потемнела, но и огрубела, надбровные дуги увеличились, но терпимо, я пару раз и у людей такое встречал. Тут в голову пришла мысль, что к людям я себя вроде как уже не отношу. Я хмыкнул и перевел взгляд на уши. М-да... а вот такого у человека точно нет: уши были остроконечными. Я, как всегда при возникновении проблемы, в задумчивости прикусил губу и вскрикнул, на прокушенной губе выступила капелька крови. Дрожащей рукой снова схватил зеркальце и открыл рот. Йо-о! Клыки заострились и стали выступать над общим строем зубов, как у хищного зверя.

Полностью впасть в нарциссизм мне не дал шорох шагов и невнятный говор на краю поляны, в центре которой стоял разрушенный храм. Натюрморт из семи порубленных трупов был хорошим аргументом против близкого знакомства с его авторами — я нырнул за поваленную колонну и затаился.

Из кустов вышли три типа, напоминавшие мертвых гоблинов, и осторожно направились к руинам. Стараясь быть

как можно незаметнее, я пополз к другому краю поляны. Тело болело и было как чужое, как только что купленная перчатка. Вроде и размер мой, но пока разносишь...

Вооружены гоблины короткими копьями, похоже, с бронзовыми наконечниками, за плечом одного — сильно изогнутый лук, у меня же из всего вооружения — зеркальце, мобильник и авторучка с блокнотом.

Перебегая за остатками стен к противоположной от пришельцев стороне поляны, я почувствовал себя получше, тошнить перестало, кровь из носа унялась, тело двигалось увереннее.

— Все не так уж плохо, — мысленно подбадривал я себя, чуть ли не на четвереньках подбираясь к опушке.

Из-за куста бересклета впереди высунулась морда тигра и с интересом посмотрела на меня. Такой же интерес вместе с напряжением во всей фигуре и пристальным взглядом был у нашего кота Мурзика при появлении вблизи голубей.

— Амба, — обреченно прошептал я сам себе. В Уссурийской тайге тигра называют амбой. Наш учитель был родом с Дальнего Востока и как-то объяснил, что именно последствия встреч человека и амбы и привели к появлению у этого слова второго значения — перспектива незавидной дальнейшей судьбы человека, когда обстоятельства складываются так же благоприятно, как у меня сейчас.

Гастрономический интерес в устремленных на меня глазах тигра возрос, громадный кошак совсем по-мурзики начал возбужденно хлестать себя хвостом по бокам. Три гоблина с копьями, ноющая боль в теле, шок от резкой перемены в жизни — все отошло на второй план, только лениво скользнула мысль, что ведь на беговой дорожке я сейчас легко побил бы мировой рекорд. Может, каждому спринтеру стоит выделять по тигру для моральной стимуляции? Все олимпийские медали были бы наши.

Двадцать метров до раскидистого дуба и семь метров вверх по нему я пролетел за секунды. Твердо зная по литературным источникам о неспособности тигров лазать по деревьям, я триумфально оглянулся, чтобы сказать зверю какую-нибудь гадость. Тигр, не знакомый с этими самыми

литературными источниками, забрался уже метра на три и сосредоточенно царапался дальше. Мысленно переадресовав авторам-натуралистам предназначенную тигру фразу, я полез было выше, но тут из-за развалин вышли гоблины.

Тигр увидел их первый и, вероятно, решил, что я никуда с дерева не денусь, а гоблины — приятное дополнение к отбивной из меня. Так или иначе, но он одним махом сиганул вниз и десятиметровыми прыжками нацелился на тройку. Один из гоблинов рванул лук, двое оцетинились копьями. Стрела ударила хищника в плечо перед решающим последним прыжком. Злобно зарывчав, он за доли секунды оказался среди врагов. Удар лапой — и первый труп с разбитой головой отлетел в сторону, могучие челюсти сомкнулись на плече второго, явственно хрустнули кости, третий побежал, бросив копьё даже не в тигра, а куда-то в его сторону. Стремительный прыжок хищника, отчаянный визг и все...

Зверь с окровавленной мордой неторопливо подошел к моему дубу, яростно зарывчал на меня и... издох.

Глядя на конвульсивно подрагивающие лапы, пену на пасти и вытаращенные остановившиеся глаза, я припомнил стрелу, обломок которой торчал в плече хищника.

Осмотр трупов гоблинов подтвердил мои подозрения — яд. У гоблина-стрелка было два колчана, один обычный берестяной и второй с кожаными вкладками внутри. Кожанный колчан наполняли стрелы с измазанными чем-то зеленым наконечниками. К колчану была привязана склянка темного мутного стекла с желтоватой тягучей жидкостью. В деревянную, плотно притертую пробку вделана игла таким образом, что ее конец все время находился в жидкости. На конце иглы, как и на стрелах, была бороздка, чтобы вещество не стерлось с металла при введении в тело.

Учитывая скорость, с которой яд свалил такую гору взбесившегося мяса, он был быстродействующий, и логично предположить необходимость противоядия и приспособления для быстрого его введения, дабы предотвратить несчастный случай. Игла в склянке — средневековый вариант шприца с антидотом. Так, а где же яд? Емкость с ядом нашлась на поясе и была вовсе не из стекла. Рог какого-то животного, выдолбленный изнутри, с притертой пробкой

на шнурке. Я осторожно вытащил пробку, полость рога была заполнена зеленым пахучим киселем, которым и были измазаны наконечники стрел.

Преодолевая брезгливость, обшарил трупы. У двух гоблинов поменьше, кроме копий с грубыми медными наконечниками, не было ничего стоящего. Третий экипирован получше — бронзовое копьё, боевой стальной топор, явно самодельный нож из скверного железа, похоже, столовый, завернутые в почти чистую тряпку монеты — медные и несколько серебряных очень грубой чеканки.

Из драки возле развалин я сделал несколько серьезных выводов. Первый — здесь опасно, второй — боец из меня пока что никакой, третий — если хочешь жить, думай.

Самый крупный гоблин был мне по грудь, так что их копьё мне подходило только как сулицы — метать. Кстати, одно из них также было отравлено.

Прихватив трофеи и свой плащ-шторку, занялся оружием. Снял наконечник с самого лучшего копьё, вырезал ореховую жердь, насадил. Получилась жуть, а не копьё, но приемлемой длины и прочности. К хвостам двух других копий приспособил собранные на поляне перья, примотав при помощи изоленты, валявшейся в кармане со времени починки проводки в гараже. Теперь у меня было копьё для рукопашной и два метательных копьё, хотя по качеству и балансу их забраковали бы даже Витькины друзья-толкиенисты, но на безрыбье-то...

Трупы в развалинах были ограблены начисто, вплоть до снятия всей более-менее нормальной одежды. Вскинув на плечи свой рюкзак, я продолжил осмотр местных достопримечательностей. Обойдя поляну по периметру, в кустах на краю леса обнаружил еще одно тело — человека с отравленной стрелой в шее. Его обшарить не успели, похоже, он был убит как раз растерзанными тигром гоблинами, и подчистить его карманы они планировали «чуть погодя, вот посмотримся».

Мой гардероб пополнился кожаной курткой, пришедшейся почти впору, человек был очень крупный. В его мешке нашлись хорошо выделанные волчьи шкуры, сшитые на подобие плаща и попутно служащие одеялом, отдельно ле-

жал рулончик чистой льняной ткани — вероятно, местный аналог бинтов. Также я присвоил флягу с водой, кусок сала, сухари, трут, кремь и кресало. Пересыпал гоблинские деньги в кожаный кошель с серебром, найденный на убитом, больше ничего стоящего не было, очевидно, топор, снятый с главного гоблина, и являлся когда-то оружием убитого.

С дальнего края поляны, где находились свежие трупы, послышалось рычание, придавшее мне ускорения и поставившее крест на мысли о захоронении убитых. Метрах в ста от развалин я приостановился, вытащил блокнот и поставил первую точку на листе, превратив его в примитивную карту.

Следующие два дня прошли в раздумьях, разведении костра при помощи огнива (что удалось с девятнадцатой попытки), поисках родника с чистой водой и места обитания. Не удалось только последнее — приличное жилье раздобыть. Проблема не только в Москве XXI века. А здесь еще особенности местной обстановки надо учитывать. Так что пока удовлетворился обустройством скорее звериной лежки под корягой в малиннике, чем человеческим местобитанием. Два дня я провалялся в шоке, осматривая себя, добытые вещи и пытаюсь сложить два и два, но каждый раз получал пять вместо четырех. Нормально объяснить случившееся я так и не смог, не хватало информации.

Шел третий день моего пребывания в этом странном мире, продукты питания кончались, надо было действовать. Я выспался, перекусил и отправился на разведку, ну и заодно за добычей. Полупустой желудок требовательно урчал, а в рюкзаке осталась только сырая картошка. Но поскольку она почти не портится, я решил оставить ее как НЗ, на самый крайний случай.

В километре от руин храма проходила лесная дорога, по которой я и двинул. Скоро впереди послышался нудный скрип, я никогда не слышал, как скрипят телеги, но, по идее, звук был похож. Вскоре, шифруясь за деревьями, я действительно нагнал телегу, запряженную пегой доходягой преклонного возраста и сопровождаемую двумя крестьянами. Одеты они были в сермяжные зипуны поверх се-

рых домотканых рубах и портков, пояса из лыка, на ногах — лапти.

Раздумывая, не остановить ли их и попросить поделить-ся информацией, а заодно и едой (поскольку запас провизии подходил к концу), я незаметно шел следом и вдруг увидел, что подобные мысли приходят не только мне.

На особенно темном участке ельника из-за деревьев вышли четверо заросших по брови мужичков с дубинами, которые отличались от возниц только нагло-нахрапистым выражением морд, и заступили телеге дорогу.

Мой слух после прорыва в этот мир стал много лучше, и я с удивлением обнаружил, что понимаю местную речь.

Она сводилась в основном к угрозам, матюгам и требованиям кошель — типичный наезд. Крестьяне поначалу вроде и не возражали, показывая пустые карманы, но когда труженики «лесной таможни», вероятно, в виде компенсации отсутствующих у жертв денежных средств попытались увести телегу с конягой, ситуация обострилась. Один из покорно лепечущих: «Люди добрые, сиятельные господа, мы бедные, сырые, и есть нечего» — вдруг слитным движением выхватил из телеги вилы и вогнал в живот ближайшего. Второй крестьянин вытащил и взял наперевес жердь, бандюки, жутко сквернословя, подняли дубины.

Экипирован я все еще был скверно, денег мало, но грабители — вояки невеликие, на них можно потренироваться во владении оружием, к тому же их и не жалко. Вывод?

Бормоча: «Мой выход», я перехватил копьё и понесся в гущу событий. Пока подбегал, крестьянина с жердью вырубил, а вилоносец ухитрился окровавить бедро еще одному бандиту. Ближний ко мне разбойник повернул голову в мою сторону, когда легкое метательное копьё уже летело в него. Все, что он успел сделать, это широко распахнуть глаза и раззявить рот, а потом наконечник копьё полностью исчез в его боку. Остальные действующие лица тупо пялились в мою сторону, озадаченные таким изменением обстановки. Как ни странно, быстрее всех опомнился крестьянин, и вилы въехали в подбрюшье самого здорового бандита. Тот завизжал, и, согнувшись в три погибели, вцепился обеими руками в древко, а потом повалился на бок.

Высвободить вилы крестьянин не успел, и последний «таможенник леса» достал его концом дубины, оглушив, а может, и убив.

С копьём в каждой руке я медленно подходил к месту стычки, последний бандит, цепко вперившись в меня прищуренным взглядом, пошел по кругу, стараясь повернуться так, чтобы солнце светило мне в глаза. Он явно опытен, надо попытаться вывести его из равновесия. Выпучив глаза и разинув пасть, я издал хриплый рык и дернулся в его сторону.

— Орк! — ошарашенно вскрикнул он, в свою очередь выкатив глаза, и судорожно махнул дубиной.

Его дышло просвистело передо мной в нескольких сантиметрах, но расстояние между нами было слишком большим, не достал. Пока он был в неустойчивом положении, я метнул маленькое отравленное копьё в упор, бандит пригнулся, пропуская его над головой, резко распрямился, но уже не успел отбить следующий удар. Мое самодельное оружие ударило в диафрагму и, прободав его насквозь, вышло чуть ниже правой лопатки. Продолжая движение, я повалил разбойника на землю, он начал корчиться, как перерезанный червь, орошая мох кровью из раны и горла.

Бугай с торчащими из паха вилами и крестьяне лежали неподвижно, остальные хрипло стонали. Бугай не жилец, хотя еще и не откинул копыта, оба мужика были живы, но в глубоком нокауте. Что сделает крестьянин при виде орка? Правильно — задаст стрекача. Потому, пропустив найденную в телеге веревку сквозь тележное колесо, привязал оба конца к ногам крестьян. В темпе обшарив бандитов, я был поражен скудостью добычи — два паршивеньких ножа, три дырявых мешка, моток веревки и все.

Начался допрос еще живых бандитов, которые были в сознании. Сперва они в основном матюгались, обосновывая отказ от сотрудничества его полной для них бесперспективностью: «Все равно убьешь». А я вспоминал невероятное количество всяческой мрази, стремительно размножившейся в России в лихие девяностые и жившей по моральному кодексу этих самых робингулов: «Плохо лежит — возьми, не дают — отбери, мешают — убей». Подобные су-

щества уже давно не воспринимались мной как люди, и оставлять их в живых или там миндальничать с ними я не собирался.

Подобранная с дороги палка, воткнутая в рану, быстро переменяла намерения разбойников. Сначала была попытка соврать, но, связав и раставив их на такое расстояние, чтобы они не слышали друг друга, я просто устроил перекрестный допрос, за каждую ложь усиливая нажим и обороты палки. Так дело пошло веселее. Выяснилось, что вся банда состояла из них четверых, то есть все налицо. До логова разбойников всего километра три, вот по этой протоптанной тропе, стражи поблизости нет, и бандиты совершенно обнахалились. К концу допроса двое с пробитыми легкими и бугай, так и не вытащивший из себя вилы, окочурились, а крестьяне начали шевелиться и попытались сбежать.

Полюбовавшись некоторое время живой иллюстрацией к басне «Лебедь, рак и щука» и орочьим рыком остановив попытку отвязаться, приступил ко второй части допроса.

Крестьян звали Пахом и Прохор, и приходились они друг другу какой-то дальней родней, но поскольку великая сложность деревенских родовых связей (кум, сват, деверь, свояк и т.п.) всегда была для меня непостижима, углубляться в нее не стал. Бандиты крестьян обычно не трогали — что взять с землепашца в поле? А потому нападение для них совершенно необъяснимо. Схватиться за вилы заставило отчаяние — без лошади в хозяйстве не выжить, пошли бы по миру или умерли от голода.

Затем мы перешли к политике и экономике. Земли вокруг принадлежат его милости барону Сильвату, отношение к которому резко отрицательное (всю кровь выпил, оброк и барщина разогнуться не дают), само баронство входит в королевство Танния (хорошее, большое королевство, ажно два больших города есть).

Баронство Сильватия — пограничное с Дикими землями, где обитают мерзкие гоблины, огры-людоеды, кровожадные орки (обвиняющий взгляд в мою сторону), а свояк Пахома даже слышал рев дракона. Вообще, знание мира крестьянами ограничивалось преимущественно своей и со-

седними деревнями, ну и городом, как центром торговли. Все же, что дальше, было для них далекой абстракцией и интереса не вызывало.

Что удивительно, при разговоре со мной давить на жалость, как при общении с разбойниками, крестьяне не пытались, вероятно, сказывалась репутация местных орков. Видевшие допрос с пристрастием последнего бандита поселяне поневоле ожидали худшего. Дрожащий голос Прохора (ему на вид было около двадцати лет) прервал мои размышления:

— Ты бы нас не умучивал, на что мы тебе?

Я хмыкнул. Обижать их я конечно же не собирался, а вот есть хотелось зверски, о чем и было сообщено моим собеседникам. Слегка побледнев, Прохор поинтересовался, хватит ли мне на ужин четырех бандитов.

— Вы что, людей жрете?! — Я был поражен.

Крестьяне дружно возмутились:

— Мы ж энто, сами люди, как же-ж можно человечину-то есть, не по-божески это. И того, мы ж не про себя, а про тебя говорили, а орки они людей того, жр... кушают. Надьсь вот в буром логу дядьку Саргула съели, так правда то гоблины были...

Меня стало слегка подташнивать. Заметив гримасу отвращения на моем лице и неправильно ее истолковав, Прохор стал уверять меня в своей невкусности вообще и в том, что они ничуть не лучше бандитов в гастрономическом плане в частности.

Более умный и наблюдательный Пахом (он был постарше, лет тридцать пять — сорок) велел Прохору замолкнуть и, проковыляв к телеге, вытащил буханку хлеба домашней выпечки, кусок подкопченной грудинки и хорошо завязанную крынку с молоком. Я мысленно чертыхнулся — ведь обшаривал телегу, а заначку под сеном не нашел, не гожусь пока что в грабители. Протянув мне всю эту снедь, Прохор поинтересовался своей дальнейшей судьбой. Заверив, что участь быть убитыми или стать рабами им не грозит, я задумался. Если дать им уйти, они распустят языки, а нахождение на территории баронства орка — повод для облавы, что мне не подходило. Остановился на

следующем варианте — заставил поклясться в молчании с использованием нательных амулетов крестьян, похожих на христианские крестики.

Чтобы подкрепить надежность клятвы, предложил крестьянам отвезти трупы разбойников страже, за что, по словам Пахома, полагались награды: «Аж по пять серебряных за голову». Выслушав благодарственную речь, в которой меня протитуловали «господином орком» и (что меня до крайности удивило) прозвучало предложение заходить в гости, когда совсем темно будет, их, мол, дом в деревне крайний, такой, с рябинкой возле окон, так что можно подобраться незаметно.

Размышляя над средневековыми крайностями, где от «Не ешьте меня» до «Заходите в гости» — один шаг, я двинул в сторону логова бандитов.

По дороге я пытался проанализировать полученную информацию. Первое — это не Земля, или, во всяком случае, не Земля двадцать первого века — ночью на небе я не нашел ни одного знакомого созвездия. Второе — сейчас раннее Средневековье с поправкой на наличие нескольких разумных рас или даже видов разумных прямоходящих. Третье — путь назад заказан, пока я не разберусь в ситуации и не накоплю побольше знаний о здешнем мире. Мне временами приходилось слышать о необъяснимых исчезновениях людей в районе развалин старой церкви, но о необъяснимых появлениях я ничего не знал. Каков вывод? Для начала надо выжить, приспособиться к окружающей обстановке и искать знания, силы, средства.

В качестве бонуса — крепкое тело бугая и знания человека XXI века, минус — репутация кровожадного зверя-убийцы орка. При таком раскладе можно играть и найти свой путь, достойный путь, как говорят даосы.

Схрон лесных бандитов нашелся довольно быстро, в нем я обнаружил деньги (даже пятнадцать золотых), рулон ткани, серебряную посуду. В лагере разбойников совсем не было еды, вероятно, именно это обстоятельство и вызвало налет на крестьян с взятием в заложники лошади. Они, скорее всего, намеревались таким образом стясти с деревенских продовольствие.

Я разбирался с запасами бандитов, а в голове теснились мысли: что делать дальше?

Если верить крестьянам, во владениях барона Сильвата мой первый выход в свет станет последним, то же и в Таннии, да и в любом королевстве людей. Единственная возможность жить здесь — неверный путь лесного бандита, но это тупиковый вариант моей эволюции. Что ж, мне остается одно — путь в Дикие земли к себе подобным.

ГЛАВА 3 Дикие земли

- Ма-ам, а у нас на сеновале голые.
- Это дикие люди, доченька.
- Да-а-а, тетенька-то дикая, а папка — наш.

Анекдот

Граница с Дикими землями была чисто условной: закончились поселения славного баронства — начались Дикие земли. Надо место под новый хутор, так Дикие земли не стенка — подвинутся. Коренные обитатели этих самых земель были явно против подобной экспансии, что следовало из третьего подряд пепелища, встреченного мною на местах былых поселений. Затем я наткнулся на старую стоянку гоблинов. Сначала чуть было не решил, что вернулся домой — кострище с подставками под шампуры, разбросанные повсюду объедки, кости, мусор, какие-то клочья, кучи «мин» в окрестных кустах и прочее свинство напоминали обычное место пикника «любителей природы» в России. Если бы не одно «но»... — кости были человеческие. Причем самые длинные переломаны и с закругленными концами — значит, побывали в котле. Помню, наш профессор археологии показывал такие же экспонаты как доказательство каннибализма. Последние сомнения отпали при виде валяющихся обгорелых черепов с выломанной затылочной костью и торчащими из дыр палочками, скорее всего служащими столовыми приборами для извлечения мозгов. Передернувшись от омерзения, пошел дальше. Кости стали

попадаться чаще, а дно огромного оврага было прямо усеяно скелетами. Вероятно, тут была битва, а скорее, бойня.

Когда пришла пора выбрать место для ночлега, я, не желая разделить судьбу владельцев выеденных черепов, присмотрел полянку, покрытую высохшей прошлогодней листвой и мелкими сухими ветками. Если кто и зайвится сюда, каждый шаг непрошеного гостя будет сопровождаться шелестом листьев и хрустом веток, что не позволит ему подобраться ко мне, спящему, незамеченным. Подсобрав еще хвороста, разбросал его по границе полянки, усиливая сигнализацию каменного века, и, расстелив плащ, завалился спать.

Взбодренный всем виденным в Диких землях, спал я вполглаза, что меня и спасло. Пришелец явно был один и двигался очень тихо, лишь только один раз под его ногой хрустнула ветка, после чего он надолго замер. Значит, волчара матерый, схватка будет непростой. Я нашарил рукоять топора и, не подавая вида, что проснулся, медленно подтянул под себя ногу, нащупывая опору, чтобы оттолкнуться. Вот уже различается тяжелое дыхание ночного бродяги, нервы натягиваются до предела. С легким шорохом тело противника взметнулось в прыжке, я резко оттолкнулся ногой, перекатившись в сторону. В плащ, на котором я лежал, вонзился ятаган. Удар топором — ятаган вылетел из рук врага и улетел в темноту. Ударить второй раз я не успел, налетчик кинулся на меня сверху, сомкнув руки на шее. Отпустив рукоять топора, наношу удар кулаком по голове врага сбоку, сразу за ухом, тело обмякает, навалившись на меня. Собираясь столкнуть его с себя, я внезапно упираюсь пальцами в упругое полушарие женской груди. Опа-на! Да это никакой не налетчик, налетчица.

Быстро распалив костер, я осмотрел оглушенную противницу. Передо мной, несомненно, была девушка-орк, крепенькая, мускулистая, лет двадцати — двадцати пяти, с зеленоватой кожей и остроконечными ушами. Одета в кожаную рубаху и во что-то наподобие шорт из того же материала. Обыскав ночную гостью и сняв с нее кинжал, я засунул на его место обломок ветки и стал приводить ее в чувство. Открывшиеся глаза оказались желтыми и очень серди-

тыми, такой взгляд я видел только у озабоченных американских феминисток, когда случайно проходил мимо их шабаша, посвященного очередному этапу борьбы с мужчинами.

Зеленокожая феминистка первым делом выхватила из ножен вложенный вместо кинжала сучок и попыталась воткнуть в меня. Обнаружив подмену, она не оценила шутку и прибегла к природному оружию женщин, вознамерившись вцепиться ногтями мне в лицо, пришлось выкрутить ей руки и придавить к земле, в ответ мне чуть не откусили нос. Ну и что с ней прикажете делать?

Когда-то в детстве я схватил одичавшего котенка, тогда мне показалось, что я взял в руки кактус. Милый пушистый зверек мигом превратился в клубок когтей и зубов, казалось, что у него не менее трех зубастых пастишек и восемь когтистых лапок.

Сейчас было что-то подобное, орчанка извивалась, царапалась, брыкалась, пыталась кусаться. Тут я вспомнил про лучшее оружие против ярости у женщин и поцеловал ее. Она ошарашенно замерла, попыталась что-то пискнуть сквозь поцелуй, потом обмякла, а затем ее руки сразу стали нежными и обхватили меня за плечи.

Когда я оторвался от девушки, уже светало. Орчанку звали Бара и была она бродягой-одиночкой, или, по ее версии, вольной охотницей. Бара немного просветила меня о нравах Диких земель. Местные обитатели жили по закону джунглей: кто кого может, тот того и гложет. Семьи здесь были редкостью, чаще жители Диких земель, независимо от пола, держались поодиночке или сбиваясь в небольшие банды. При встрече наиболее вероятной была схватка, побежденного убивали и чаще всего съедали, но бывало и так, что встреча мужчины и женщины заканчивалась близостью. Дети у женщин Диких земель рождались часто, по сути, орчанки были постоянно, можно сказать, хронически беременны. По неписаному закону орков и гоблинов, женщин с детьми не трогали, а при возможности и подкармливали, делились шмотками. Это объясняло, как, при отсутствии семей, бродяги Диких земель до сих пор не вымерли и не были вытеснены другими расами. Да и если судить по

встреченной мной феминистке, характер у местных дам по степени стержовности многократно превосходит русских женщин двадцать первого века. А если орчанка еще и с ребенком, то напасть на такую фурию — это все равно что попробовать отнять котенка у дикой кошки — как минимум, расцарапанное лицо гарантируется, и скажи спасибо, если останутся целы глаза.

Затем я сделал глупость. Отправившись к ручью за водой, захватил с собой ятаган Бары, а топор оставил на стоянке. Вернувшись, обнаружил, что девушки и след простыл. Заодно она прихватила и мой боевой топор, и примерно половину еды. Вот ведь! Простые нравы, простые решения. Хотя, наверное, так даже лучше, очень уж независимым огнем горели желтые глаза, как я понимаю, орчанка все равно смылась бы, даже безоружная. Да и легкий стальной топор больше подойдет ей по руке, чем тяжеленный ятаган, и еды для девчонки не было жалко, пусть подкормится.

Когда совсем рассвело, я внимательно осмотрел доставшееся мне оружие. Грубовато сделанный тяжелый черный тесак около метра длиной имел одностороннюю заточку и был выгнут вперед, как классический турецкий ятаган. Лезвие шириной четыре-пять сантиметров слегка расширялось в верхней части и заканчивалось клиновидным острием, гарды не было вовсе, как и положено ятагану. Металл был довольно прочен и напоминал черную бронзу, использующуюся в Древнем Египте в бронзовом веке. Секрет ее изготовления позднее был утерян и до сих пор не найден, может, здесь его знают?

Хотя оружие было тяжеловато и коротковато, форма лезвия непривычна, а баланс совершенно никудышный, но все-таки это был меч! С мечом я умел обращаться и чувствовал себя увереннее на двести процентов. Живем! Остаток дня я посвятил чистке и заточке нового оружия и тренировке с ним, чтобы попривыкнуть к балансу.

Дальше я шел еще осторожнее, пару раз пришлось залезать в чащу, пропуская небольшие шайки гоблинов. Разговор одной из них запомнился мне надолго. Ребятки обсуждали трудности с продовольствием и пути их решения.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава 1.</i> Толкиенистские игры	8
<i>Глава 2.</i> Орк	12
<i>Глава 3.</i> Дикие земли	24
<i>Глава 4.</i> Трейдгард — центр торговли темных кланов	44
<i>Глава 5.</i> Жертвоприношение	48
<i>Глава 6.</i> Поместье вампиров	55
<i>Глава 7.</i> Эльфийка	63
<i>Глава 8.</i> Мой народ	79
<i>Глава 9.</i> Храм Фрей	89
<i>Глава 10.</i> Королевство Нория	96
<i>Глава 11.</i> Здесь будет город заложен	118
<i>Глава 12.</i> Обокраденный барон	130
<i>Глава 13.</i> Долина Торна	138
<i>Глава 14.</i> Хирургия по-оркски	162
<i>Глава 15.</i> Становление Торнгарда	167
<i>Глава 16.</i> Похищение невест	189
<i>Глава 17.</i> Эльфийская академия светлого волшебства	198
<i>Глава 18.</i> Нашествие людей	203
<i>Глава 19.</i> Набег	234
<i>Глава 20.</i> Некромант	246
<i>Глава 21.</i> Миссионеры темного святилища	257
<i>Глава 22.</i> Проклятие дома Белой розы	275
<i>Глава 23.</i> Иду туда, не знаю куда, уничтожить то, не знаю что	283
<i>Глава 24.</i> Приятные хлопоты	290
<i>Глава 25.</i> Если тебя ругают, значит, ты существуешь	307
<i>Эпилог</i>	313